

ство обусловленной наследственной данности. Сегодня ученые оперируют понятием контекстуальной встроенности генов – их воплощенности в тех или иных ситуативных обстоятельствах (клеточных, биохимических и даже социальных). Новое понимание гена как «участника интерактивных процессов» расширяет представление о механизмах наследственности. Сегодня ген – это «скорее катализатор, чем код», «последователь, но не лидер», который формируется в интерактивной среде, а не в ходе заранее заданного процесса развития [с. 95]. Наконец, современная биология развития отказывается от линейных трактовок эволюции, поэтому рассуждения об отправных пунктах, основаниях, строительных блоках и т.п. утрачивают смысл.

Характерной особенностью современной морализации биологии, противопоставляющей мир природного сфере культурного, Мелони считает апелляцию к природе как к единственному оплоту, фундаменту или «гавани», гарантирующей нравственное возрождение человечества и коррекцию социальных патологий. Морализующий тренд современной биологии еще ждет своего философского и социологического осмысления, пишет в заключение автор.

Е.В. Якимова

2014.03.012. ЯНОФФ-БУЛМАН Р., КАРНЕС Н. ОБОЗРЕВАЯ МОРАЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ: ПРАВСТВЕННЫЕ МОТИВЫ И ГРУППООРИЕНТИРОВАННЫЕ ЭТИКИ¹.

JANOFF-BULMAN R., CARNES N. Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // Personality a. social psychology rev. – Mahwah (NJ), 2013. – Vol. 17, N 3. – P. 219–236.

Ключевые слова: моральные мотивы; социальный порядок; социальная справедливость; либерализм; консерватизм.

В статье профессора Университета Массачусетса (США) Ронни Янофф-Булман и ее студента Нэйта Карнеса представлена новая шестикомпонентная *модель моральных мотивов* (МММ), фокусирующая внимание на фундаментальных различиях мотивации индивидуального поведения и сфер моральной регуляции. Ав-

---

¹ Реферат подготовлен при поддержке РФФИ (проект № 14-06-00381 а); при поддержке ЦФИ НИУ-ВШЭ 54.0.

торы полемизируют с идеями Дж. Хайдта и его коллег, чья *теория моральных оснований* во многом определяет современный дискурс социологии и психологии морали. В первую очередь, критическому осмыслению подвергаются выводы Дж. Хайдта о связи моральных оснований индивидуального поведения и политических ориентаций.

Исходной точкой построения модели моральных мотивов (МММ) выступает получившее широкое признание в психологии разделение фундаментальных основ мотивации и саморегуляции поведения на два типа: достижение-активация и избегание-торможение. Поведенческая система торможения, базирующаяся на избегании, чувствительна, преимущественно, к наказаниям и негативным последствиям. Напротив, система поведенческой активации, основанная на достижении, чувствительна к поощрениям и положительным результатам. Применение этих различий к области морали позволяет провести границу между запрещающими и предписывающими аспектами моральной регуляции: запрещающая мораль акцентирует запреты, позволяет преодолевать искушения и, таким образом, защищает от причинения вреда, а предписывающая мораль фокусируется на том, что нам следует делать, позволяет преодолевать инерцию и мотивирует на совершение хороших поступков. В лингвистическом отношении запрещающая мораль представлена в относительно конкретных терминах, в частности в глаголах, которые определяют конкретные формы поведения, в отличие от предписывающей морали, которая лингвистически оформлена более абстрактно – в прилагательных, отражающих основные категории поведения.

Эти лингвистические различия отражают различия нормативные, основанные на достижении и избегании: большая угроза ошибки в запрещающей системе требует большей спецификации действий, в то время как большая размытость предписывающей системы может обеспечить более общие директивы и стандарты поведения. Следствием оказывается большая мотивирующая сила негативных результатов. Более жесткий и обязательный характер запретов позволяет объяснить результаты некоторых классических исследований в психологии морали, в частности, оценку негатив-

ных побочных эффектов в моральных дилеммах как более умышленных, чем положительных побочных эффектов¹.

Две формы регулирования – запрещающая и предписывающая – высвечивают две стороны человеческой природы – эгоизм и альтруизм. Далее в статье обсуждаются и иллюстрируются результатами экспериментов изменения, происходящие в социально-гуманитарных дисциплинах, в понимании сути альтруизма и его эволюционной роли. Итогом этих изменений становится все более широкое признание «подлинности альтруизма». С эволюционной точки зрения, люди оказываются продуктами многоуровневого отбора: эгоизм формируется в процессе индивидуального отбора, который включает внутrigрупповую конкуренцию, в то время как альтруизм (с упором на членов своей группы) формируется в процессе группового отбора, который включает конкуренцию между группами. Действуя совместно, две формы морального регулирования, тормозящие плохое и активирующие хорошее поведение облегчают групповую жизнь, поощряют сотрудничество и максимизируют благополучие общества.

Таблица 1 [с. 221]

Модель моральных мотивов

	Направленность		
	на себя	на других	на группу в целом
Запрещающая моральная мотивация	Самоограничение (Self-restraint / Moderation)	Непричинение вреда (Not harming)	Социальный порядок / Групповая солидарность (Social order / Communal solidarity)
Предписывающая моральная мотивация	Трудолюбие (Industriousness)	Помощь / Справедливость (Helping / Fairness)	Социальная справедливость / Групповая Ответственность (Social justice / Communal responsibility)

¹ Knobe J. Theory of mind and moral cognition: Exploring the connections // Trends in cognitive sciences. – Amsterdam, 2005. – Vol. 9, N 8. – P. 357–359; Knobe J. Person as scientist, person as moralist // Behavioral a. brain sciences. – N.Y., 2010. – Vol. 33, N 4. – P. 315–329.

Две указанные формы морального регулирования, и в частности их представительство в широком спектре моральных мотивов защиты (через запреты) и поддержки (через рекомендации), определяют ряды МММ (табл. 1). Столбцы МММ отражают сферы направленности морального интереса: ориентация на себя (саморегуляция индивидуального поведения), на другого / других (межличностная), на группу в целом (коллективная).

Таким образом, предлагается шестиячейковая матрица, основанная на ограничивающей / запрещающей функции мотива защиты себя, другого и группы и активирующей силе мотива достижения для себя, другого и группы. В частности, идентифицируются следующие шесть моральных мотивов:

Самоограничение (self-restraint / moderation), ориентированное на защиту себя через подавление определенного поведения и сопротивление искушениям. Это область «семи смертных грехов» (например, чревоугодия), а ближайший результат представляется как выгода для себя с точки зрения физического и психологического здоровья. Учитывая, что всякая мораль включает правила, которые облегчают групповую жизнь и вносят вклад в выживание группы; нравственные проблемы, характеризующиеся сосредоточением на себе, безусловно, имеют важное значение и для более широкой группы. Неудивительно, что мораль самоограничения также в конечном счете служит защите ресурсов группы и противостоит расточительности.

Трудолюбие (industriousness), обеспечивающее благополучие индивида через поощрение напряженной работы, добросовестности и настойчивости. Эта этика приложения индивидуальных трудовых усилий снижает бремя, ложащееся на группу в целом, и в конечном итоге способствует сохранению ресурсов и поддержанию жизнеспособности группы.

Непричинение вреда (not harming) – основное правило групповой жизни, служащее защите других членов группы в ходе межличностных взаимодействий. Соответствующая моральная система включает запреты на причинение вреда и использование другого через ложь, обман, воровство и т.п.

Помощь / справедливость (helping / fairness), предполагающие направление личных усилий на помощь другому для обеспечения его благополучия, активацию помогающего поведения. Как

помощь, так и справедливость основываются на принципе взаимности, который составляет основу социальных обязательств.

Социальный порядок / групповая солидарность (social order / communal solidarity) – мораль, направленная на защиту группы от опасностей и угроз, как внешних, так и внутригрупповых: физических угроз безопасности и стабильности, а также психологических угроз идентичности. Важность порядка и солидарности проявляется в акценте на конформном поведении и ингрупповой лояльности, которые служат максимальной сплоченности группы.

Социальная справедливость / групповая ответственность (social justice / communal responsibility) – моральная озабоченность благополучием группы, активизирующая усилия группы на помощи, с особым акцентом на равенство (справедливость распределения благ). Обязательства перед группой укрепляются общим чувством ответственности.

Представленную таким образом *модель моральных мотивов* авторы соотносят с типологией форм моральной регуляции, представленной в *теории моральных оснований* Дж. Хайдта и его коллег, которая в настоящее время может считаться доминирующей моделью в области исследований морали. Теория Дж. Хайдта постулирует пять психологических оснований морали – удержание от причинения вреда / забота, справедливость / взаимность, внутригрупповая лояльность, власть / уважение к авторитету и чистота / святость¹, – которые могут быть объединены в три более крупные этические системы: первая пара соответствует индивидуалистской этике, вторая – этике сообщества, третья – религиозной этике. Индивидуализирующие основания сосредотачиваются на правах и благополучии индивидов, тогда как группа выступает местом действия связующих моральных оснований.

«Межличностная» колонка в МММ аналогична индивидуализирующим основаниям в классификации Дж. Хайдта: удержание от причинения вреда попадает в «запрещающую / защитную» ячейку, а забота и справедливость – в «предписывающую». Таким образом, оба основания отражают мотивы саморегулирования, лежащие в основе модулей. «Связующие» же основания, по Хайдту, разме-

---

¹ Haidt J. *Morality // Perspectives on psychological science*. – Malden (MA), 2008. – Vol. 3, N 1. – P. 65–72.

щаются в МММ в столбце «Группа»: ингрупповая лояльность, уважение к власти и чистота отражают озабоченность порядком и солидарностью, поэтому все помещаются в «запрещающую» ячейку, а «предписывающая» ячейка остается пустой.

Как отмечают авторы статьи, основные философские учения Востока и Запада на протяжении веков утверждали важную роль для нравственной жизни как самоограничивающей (самоограничение), так и побудительной (трудолюбие и мужество) мотивации. Реализация обеих мотиваций, не будучи непосредственно связанной с интересами других людей тем не менее имеет фундаментальное значение для жизни группы, поскольку служит ее сохранению и развитию, увеличению ее ресурсов и расширению адаптивных возможностей.

При сопоставлении МММ и теории Дж. Хайдта обнаруживается еще одно несоответствие: остается незаполненной ячейка «Предписывающая группо-ориентированная мораль» (т.е. социальная справедливость / ответственность), которая самими авторами представляется наиболее «спорной» с точки зрения теории моральных оснований, особенно учитывая утверждение Дж. Хайдта относительно моральных различий между либералами и консерваторами: по Дж. Хайдту, либералы ориентированы на индивидуализирующие основания (забота и справедливость), а консерваторы – на связующие основания (внутригрупповая лояльность, уважение и чистота). Кроме того, Дж. Хайдт подчеркивает, что либералы полагаются только на два нравственных основания, в то время как консерваторы – на все пять¹. Однако данный вывод, с точки зрения авторов реферируемой статьи, оказывается следствием излишней сосредоточенности Дж. Хайдта на запрещающей групповой морали и игнорирования предписывающего полюса. Янофф-Булман и Карнес предполагают существование группоориентированной предписывающей морали, основанной на социальной справедливости, вырастающей из чувства общей ответственности. Это предположение подтверждается результатами исследований гендерных аспектов

---

¹ Haidt J., Graham J. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize // Social justice research. – N.Y., 2007. – Vol. 20, N 1. – P. 98–116.

моральной регуляции¹. При этом авторы считают неправомерным отождествление справедливости в интересах группы со справедливостью, реализуемой в межличностных взаимодействиях, поскольку по своей сути эти моральные основания принципиально различаются: межличностная справедливость (microjustice) – индивидуализирующая – основана на соображениях благополучия другого индивида и предполагает учет его личных качеств и атрибутов, в то время как социальная справедливость (macrojustice) – связующая – основана на интересах группового уровня, ориентирована на минимизацию неравенства и, соответственно, требует учета не личных качеств индивидов, а ориентации на обезличенные правила («социальная справедливость является свойством социальных систем»²). Межличностная справедливость и социальная справедливость отражают две различные моральные проблемы, что становится очевидным при рассмотрении случаев (например, аффирмативных акций), в которых они вступают в противоречие.

Дж. Хайдт отмечает, что благополучие и целостность группы обеспечиваются следованием связывающим основаниям – ингрупповой лояльности, почитания власти и чистоты, – т.е., в соответствии с МММ, запрещающим моральным мотивам. Однако появляется все больше доказательств того, что целостность и благополучие группы обеспечиваются не только запрещающей, но и предписывающей моралью, основанной на социальной справедливости и эгалитаризме: равенство связано с социальной гармонией³, с более высоким уровнем жизни⁴, субъективным благополучием и здоровьем

---

¹ Eagly A.H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. – Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987; Wood A.H., Eagly A.H. Gender // Handbook of social psychology: In 2 vol. / Ed. by S. Fiske, D. Gilbert, G. Lindzey. – Hoboken (NJ): Wiley, 2010. – Vol. 1: History of social psychology. – P. 629–667.

² Jost J.T., Kay A.C. Social justice: History, theory and research // Handbook of social psychology: In 2 vol. / Ed. by S. Fiske, D. Gilbert, G. Lindzey. – Hoboken (NJ): Wiley, 2010. – Vol. 2: Evolutionary social psychology. – P. 1122.

³ Kesebir S. The superorganism account of human sociality: How and when human groups are like beehives // Personality a. social psychology rev. – Mahwah (NJ), 2011. – Vol. 16, N 3. – P. 233–261.

⁴ Wilkinson R.G., Pickett K. The spirit level: Why more equal societies almost always do better. – L.: Lane, 2009.

ем¹, а неравенство – с низким социальным капиталом, дефицитом социального доверия и более высоким уровнем насильственных преступлений².

Утверждая существование двух группоориентированных моральных систем – социального порядка и социальной справедливости, – Янофф-Булман и Карнес подчеркивают, что в соответствии с обеими, целостность и интересы группы первичны, но способы их обеспечения значительно различаются. Акцент на порядке связан с защитой группы (запрещающая мораль), акцент на справедливости – с ростом благополучия (предписывающая мораль).

Учет Дж. Хайдтом одной лишь запрещающей групповой морали обусловлен акцентированием человеческого эгоизма и «несовершенства». В МММ эгоистичная сторона человеческой природы не отрицается, но вместе с тем признается и альтруистическая сторона; при этом первая регулируется через запрещающую мораль, а вторая – через предписывающую.

Социальный порядок согласуется с эссенциалистской теорией групп, основанной на признании необходимости гомогенности группового состава, непроницаемости групповых границ и важности общей идентичности (определяющей маркеры тождественности). Иерархия и гомогенность (характеристики группы), лояльность и конформность (характеристики отношения индивидов к группе) способствуют увеличению ценности порядка и безопасности. Для целей защиты и предотвращения вреда одной из основных задач этой запрещающей группоориентированной морали является идентификация тех, кто включен, а кто не включен в группу. Следование конкретным формам поведения и, что более важно, подавление иных форм поведения и образа жизни, оцениваемого как «девиантный» группой или обществом, имеют решающее значение для морали социального порядка. Напротив, социальная справед-

---

¹ Deaton A. Health, inequality and economic development // J. of economic literature. – Nashville (TN), 2003. – Vol. 4, N 1. – P. 113–158; Oishi S., Kesebir S., Diener E. Income inequality and happiness // Psychological science. – N.Y., 2011. – Vol. 22, N 9. – P. 1095–1100.

² Social capital, income inequality and morality / Kawachi I., Kennedy B.P., Lochner K., Prothrow-Stith D. // American j. of public health. – N.Y., 1997. – Vol. 87, N 9. – P. 1491–1498; Uslaner E. The moral foundations of trust. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2002.

ливость согласуется с агентивной теорией групп при внутригрупповой неоднородности и проницаемости границ. Мораль социальной справедливости фокусируется на равенстве доступа к ресурсам и распределения общественного блага, и ее поддержание требует взаимозависимости и признания общих целей, а не идентификации с себе подобными.

Результаты эмпирических исследований демонстрируют, что единство группы может поддерживаться обеими системами моральной регуляции – как конструированием сущности (подчеркиванием значимости членства), так и динамическим конструированием (подчеркиванием значимости взаимодействия)¹. Существуют различные способы объединения людей в группы, и они соответствуют двум группоориентированным этикам МММ.

Неудивительно, что две группоориентированные этики обеспокоены различными социальными вопросами. Этика социальной справедливости демонстрирует обеспокоенность накоплением и сохранением общественных благ, включая решение вопросов, связанных с экономическими ресурсами и возможностями; этика социального порядка, в свою очередь, обеспокоена регуляцией образа жизни, предполагающей контроль над более «личными» вопросами, такими как однополые браки и аборты².

Две группоориентированные моральные системы также характеризуются разными подходами к межгрупповым границам. В случае социальной справедливости основной упор делается на внутригрупповые различия; межгрупповые границы, соответственно, оказываются более проницаемыми; лояльности и преданности не уделяется повышенного внимания. В случае социального порядка подчеркивается важность верности и защиты членов группы. Малопроницаемая межгрупповая граница, таким образом, призвана минимизировать внешние угрозы и опасности. Однако результаты кросскультурных исследований предупреждают об опасностях, оказывающихся «темной стороной» преобладания морали соци-

---

¹ Rutchick A.M., Hamilton D.L., Sack J.D. Antecedents of entitativity in categorically and dynamically construed groups // *European j. of social psychology.* – Chichester, 2008. – Vol. 38, N 6. – P. 905–921.

² Janoff-Bulman R., Sheikh S., Baldacci K.G. Mapping moral motives: Approach avoidance, and political orientation // *J. of experimental social psychology.* – N.Y., 2008. – Vol. 44, N 4. – P. 1091–1099.

ального порядка (ингрупповой лояльности и иерархии): большая верность группе связана с большей агрессией и насилием, направленными на аутгруппы¹. При этом не верность группе как таковая порождает агрессию по отношению к аутгруппам (привязанность является неотъемлемой частью групповой принадлежности), а скорее та форма верности, которая формируется на основе сравнения своей группы с другими².

Для большей наглядности обобщим описанные выше различия между двумя группоориентированными моральными системами, представив их в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение моральных систем социального порядка и социальной справедливости

	Социальный порядок	Социальная справедливость
Базовая мотивация	Запрет / избегание	Активация / достижение
Цель	Защита группы	Рост благополучия / процветание группы
Концепция группы	Эссенциалистская: гомогенность, иерархия, непроницаемость границ	Агентивная: гетерогенность, эгалитарность, проницаемость границ
Основа целостности группы	Групповая идентичность, конформность	Взаимозависимость, признание общих целей
Сфера морального контроля	Образ жизни, индивидуальное поведение	Распределение благ
Отношение к аутгруппам	Подозрительность, агрессивность, страх смешения	Открытость
Политическая идеология	Консерватизм	Либерализм

¹ Cohen T.R., Montoya R.M., Insko C.A. Group morality and intergroup relations: Cross-cultural and experimental evidence // *Personality a. social psychology bull.* – Thousand Oaks (CA), 2006. – Vol. 32, N 11. – P. 1559–1572; Kosterman R., Feshbach S. Towards a measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political psychology.* – Oxford, 1989. – Vol. 10, N 2. – P. 257–274.

² Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence and reactions to the in-group's moral violations // *J. of personality a. social psychology.* – Wash., 2006. – Vol. 91, N 4. – P. 698–711; Ingroup glorification, moral disengagement and justice in the context of collective violence / Leidner B., Castano E., Zaiser E., Giner-Sorolla R. // *Personality a social psychology bull.* – Thousand Oaks (CA), 2010. – Vol. 36, N 8. – P. 1115–1129.

Поскольку группоориентированная мораль по определению предполагает не просто регулирование индивидуального поведения, но и социальное регулирование в более широком смысле, обсуждение характера ее функционирования неизбежно затрагивает область политики. Обсуждению связи моральных ориентаций, политических взглядов и личностных диспозиций посвящена завершающая часть статьи.

В ракурсе МММ два типа группоориентированной морали оказываются связанными с различными политическими идеологиями: социальный порядок – с политическим консерватизмом, а социальная справедливость – с политическим либерализмом¹. То, что и либералы, и консерваторы имеют общественные интересы, подтверждается данными, которые были собраны авторами статьи с помощью методики измерения индивидуализма – коллективизма². Г. Триандис различает горизонтальный и вертикальный коллективизм; лица с высокой ценностью горизонтального коллективизма подчеркивают равенство и сотрудничество, в то время как те, кто ориентирован на вертикальный коллективизм, подчеркивают иерархию и легко подчиняются власти. Результаты репрезентативного исследования показали, что обсуждаемые политические ориентации связаны не с общей оценкой коллективизма, а с измерением «горизонтальность / вертикальность». Различия между горизонтальным и вертикальным коллективизмом (т.е. ориентациями на равенство или иерархию) отражают различия, связанные с социальной справедливостью и общественным порядком, соответственно.

Таким образом, различия между либералами и консерваторами касаются не самой необходимости государственного регулирования, но сферы, которая этому регулированию подлежит: мораль социальной справедливости регулирует распределение ресурсов,

---

¹ Janoff-Bulman R. To provide or protect: Motivational bases of political liberalism and conservatism // Psychological inquiry. – Hillsdale (NJ), 2009. – Vol. 20, N 2–3. – P. 120–128; Janoff-Bulman R., Sheikh S., Baldacci K.G. Mapping moral motives: Approach avoidance, and political orientation // J. of experimental social psychology. – N.Y., 2008. – Vol. 44, N 4. – P. 1091–1099.

² Triandis H.C., Gelfand M.J. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // J. of personality a. social psychology. – Wash., 1998. – Vol. 74, N 1. – P. 118–128.

регламентируя, таким образом, активность в экономической сфере; мораль социального порядка ориентирована на регуляцию образа жизни и индивидуального поведения (которые служат в качестве маркеров групповой идентичности), а также на контроль над обеспечением национальной безопасности (которая отвечает за устойчивость границ группы). В областях, которые каждая из сторон предпочитает контролировать, различия в ориентациях на защиту – обеспечение между либерализмом и консерватизмом часто проявляются в характере желаемого регулирования, в частности в отношении подавления (запрещающая мораль) и активации (предписывающая мораль). Консерваторы подчеркивают важность ограничений (например, ограничение аборт, однополых браков, исследований стволовых клеток), а либералы – важность активизации в создании государственных программ (например, социальное обеспечение, всеобщая медицинская помощь, программа аффирмативных акций).

Различия моральных регуляторов, основанных на мотивации достижения или избегания, не так очевидны, когда речь идет о моральной саморегуляции (первые два столбца МММ, где в фокусе морального интереса – сам индивид или другой), потому что на этом уровне моральные системы вполне совместимы – люди, как правило, действуют на основе и запретительной, и предписывающей морали: они стараются избегать совершения преступлений, подавляют искушения, помогают окружающим и ведут нравственную жизнь. Тем не менее гармоничные отношения между двумя формами морального регулирования, по-видимому, разрушаются, когда анализу подвергается группа (третья колонка МММ). Здесь мы имеем дело с социальной регуляцией, а не только с саморегулированием – это область действия моральных правил и стандартов, применяемых для группы. Здесь разные формы регламентации – запретительная и предписывающая – кажутся более антагонистичными, чем совместимыми. Консерваторы, более чувствительные к угрозам и наказаниям, делают выбор в пользу ограничивающей морали, которая стремится защитить членов группы, в то время как либералы, более чувствительные к предписываемому регулированию, делают выбор в пользу морали, которая позволяет обеспечить благо для членов группы. Впрочем, вывод-прогноз, которым Янофф-Булман и Карнес завершают свои рассуждения, довольно

оптимистичен: баланс возможен, однако достижим он не на уровне отдельной личности, а на уровне общества. Стоит учесть, призывают авторы, что каждая моральная перспектива служит в качестве противовеса другой – внося коррективы в случае, если противная сторона заходит слишком далеко. Здоровое общество сочетает традиции и изменения, стабильность и инновации, а также работает, чтобы защищать и обеспечивать своих членов.

*М.А. Козлова*¹

2014.03.013. ВЕЙНБЕРГ М. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА «ЗАБОТА О ДРУГОМ / ЗАБОТА О СЕБЕ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА².

WEINBERG M. The ideological dilemma of subordination of self versus self-care: Identity construction of the «ethical social worker» // Discourse a. society. – L., 2014. – Vol. 25, N 1. – P. 84–99.

Ключевые слова: забота о себе; дискурс-анализ; идентичность; социальная работа; идеологическая дилемма.

В статье Мерлинды Вейнберг (профессора Школы социальной работы Университета Дальхузи, Канада) обсуждаются возможности и перспективы применения дискурс-анализа как метода исследования механизмов конструирования идентичности. Объект, находящийся в фокусе обсуждения, – идентичность социального работника. На примере приведенного в статье фрагмента интервью с практиком в области социальной работы автор демонстрирует, каким образом выстраивается идентичность индивида в процессе взаимодействия с Другим. Сталкиваясь в ходе осуществления профессиональной деятельности с разного рода этическими вопросами, социальному работнику приходится решать специфические «идеологические дилеммы». Раскрытию понятия «идеологическая дилемма» и обсуждению его отличия от более широко используемого понятия «моральная дилемма» посвящен один из разделов статьи.

---

¹ Кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

² Работа над рефератом осуществлена при поддержке РГНФ, проект № 14-06-00315.